

М.А. Малышев

АФОРИЗМ – «ПРИКЛЮЧЕНИЕ» ДИСКУРСА МЫСЛИ

Малышев
Михаил Алексеевич

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

В отличие от логического дискурса цель афористики состоит не в том, чтобы выразить истину в возможной её полноте, а в том, чтобы высветить какую-то отдельную её грань или придать ей неожиданный оттенок. Как пируэт мысли меткая фраза, возможно, не нуждается в логических пояснениях, зато она не может не побуждать в читателе потребности в раздумье. Имея внешнее сходство со словесной арабеской, афоризм, требует отточенной мысли; он сопротивляется смысловой разжиженности обыденного языка и стремится сделать семантику фразы предельно лаконичной. Афоризм – это не столько каламбур, сколько парадокс, не столько игра слов, сколько игра мысли, не столько шутка, сколько ирония. В любом случае нелегко определить, что преобладает в нем: меткие наблюдения над мозаикой жизни, тонкие оттенки мыслей или упражнения в иронической насмешке? Почти все мастера этого жанра единодушны в том, что тон в афористике задает парадокс и ирония, которые облачают мысль в гранит отточенных фраз, соединяют элегантность с остроумием, а самое главное, стремятся освободить ум от инерции стереотипа. Афоризм, из которого изгнан парадокс, рискует превратиться в расхожую фразу. Как «пируэт мысли», некоторые парадоксы вызывают удивление, а самые меткие из них приглашают к улыбке и размышлению.

Афоризм – это, в сущности, камерный жанр, предполагающий в читателе сосредоточенность, интеллектуальное усилие и, вероятно, потому

больше тяготеющий к философии, чем к литературе. Можно сказать, что афоризм – жанр, располагающийся между прозой дискурса и поэзией пароксизма мысли, именуемого парадоксом. Согласно Жану Бодрияру, парадокс – это «пароксизм» логического дискурса; «это ещё не сам финал, а то, что ему непосредственно предшествует. Пароксистское мышление – это предпоследняя фаза, после чего оно впадает в крайность»¹. Иными словами, пароксизм мысли доходит до границы семантического пространства фразы и останавливается на ее рубежах во избежание угрозы разрушения логической и эстетической архитектоники её бытия именно в качестве афоризма. Разумеется, вокруг последнего можно строить различные предположения, прояснять и обогащать его смысловые оттенки, но само здание афоризма уже возведено, а следовательно, – «из песни слов не выкинуть». Будучи автономной и самодостаточной смысловой единицей, афоризм – это «монада мысли», и в этом отношении она не испытывает никакой потребности соединиться с другими мыслями-монадами, а как бы свободно плавает в семантическом пространстве текста.

Существует необозримое множество факторов, как внешних, так и внутренних, которые накладывают свою печать на логику развертывания дискурса. К последним относится стремление осуществить поставленную цель, институциональные нормы и запреты, регулирующие действия людей, ситуации, развертывающиеся в пространстве и во времени, в которых эти люди находятся. В своей лекции *Порядок дискурса*, произнесенной в Коллеж де Франс в 1970 году, Мишель Фуко предположил, что в любом сообществе «производство дискурса подвергается контролю, селекции и распределению согласно установленным процедурам. Функция последних – в заклинании угроз, в предотвращении опасностей и в контроле над случайными событиями, чтобы как-то застраховаться от внушающей страх материальной реальности»². Другая важная функция дискурса – отделение правды от лжи и утверждение *воли к истине*. Последняя,

с точки зрения Фуко, доминирует во всех типах современного общества и, оказывая решающее влияние на другие переменные дискурса, подчиняет их своей власти.

С моей точки зрения, афоризм – это «парадоксальный дискурс», который, не отвергая воли к истине, тем не менее сопротивляется его императиву. Если дискурсивное мышление стремится подвести читателя к истине, «принудить» его к согласию с разворачиваемой цепью логических аргументов, то цель афористики – бросить вызов диктату дискурса, осуществить «катарсис мысли», показать, что различные её возможности, пусть даже самые экзотические и экстравагантные, могут причудливо в нашем сознании.

Трудно сказать, что преобладает в афористике: меткие наблюдения над реальностью, тонкие оттенки парадоксальной мысли или изощренные упражнения в иронической насмешке. Как бы там ни было, а приоритет в ней отдается парадоксу и иронии, которые облачают дискурс в гранит отточенных фраз, соединяют элегантность с остроумием, а самое главное, освобождают мысль от инерции стереотипа. Следовательно, задача афористики состоит не столько в объяснении мира или в выработке рекомендаций, направленных на его практическое преобразование, сколько в умножении эстетических и логических возможности наслаждения игрой мысли.

Как известно, дискурс здравого смысла – это «инстинкт истины», который не всегда срабатывает в мире парадоксов. Поэтому афоризм, погруженный в стихию здравого смысла, подвержен риску выродиться в расхожую фразу. Можно сказать, что там, где начинается парадокс, заканчивается здравый смысл; но, с другой стороны, если парадокс утратит всякую связь со здравым смыслом, он невольно рискует выродиться в претенциозную бессмысленность. Самое трудное, пожалуй, для афористики – это приподняться над здравым смыслом и, одновременно, показать, насколько это возможно, «гнет» расхожих стереотипов мышления. Следовательно, её задача заключается в том, чтобы подметить и выразить необычное и странное в повседневном и привычном. Парадокс и ирония – это свидетельство того, что можно мыслить вопреки инерции повседневного языка, не нарушая при этом его логической формы, но эта мысль не обязательно должна соответствовать

тому, что находится за её пределами; афористика – это дискурс в модальности *как если бы*.

Ортега-и-Гассет как-то заметил, что современные художники не отвергают воспроизведения внешнего мира в пользу чистых форм, но, в отличие от реалистов, они просто не считают ее изображение своей насущной задачей. Они воспроизводят реальность для того, чтобы выразить силу сопротивления её гравитации и, одновременно, обозначить жест, направленный на её условное преодоление. Аналогичным образом афористическая мысль, следуя логики дискурса, воспроизводит его, чтобы обозначить стремление, направленное на его возможное или воображаемое преодоление.

Главная задача афористики, на мой взгляд, заключается в том, чтобы показать, что дискурс мысли не только не снижает, а напротив, увеличивает нашу способность к наслаждению своеобразием и оригинальностью того, что не укладывается в проторенное русло привычных мыслительных стандартов. Как пронизательно заметил Михаил Эпштейн, «странность»... конституирует суждения, наименее вероятные как для большинства людей, так и для самого разума, противоречащие и общепринятому, и очевидному»³. Поэтому самое трудное для афориста – это выразить силу косности «ходячих» клише (которых, как и атмосферное давление, мы обычно не замечаем) и, одновременно, доказать, что наше воображение способно рождать разнообразные возможности мысли. Последнее утверждение вовсе не означает, будто афорист отказывается от логического дискурса в пользу чистого воображения, но он также и не ставит своей целью доказательство истины. В афористике логика дискурса приносится в жертву парадоксу или иронии, а следовательно, каждый афоризм, достойный этого имени, предстает как *странное утверждение*.

Будучи осколком мысли, закованным в «гранит» отточенных фраз, афоризм – это стремление сделать пространство мысли замкнутым, и, одновременно, осознание невозможности преодолеть смысловое многообразие и словесную разжиженность повседневного речения. Афоризм – это маленький текст, в котором причудливо скрещиваются смыслы, весьма удаленные друг от друга по своему происхождению и редко сопрягающиеся в языке повседневной речи. Если сущность дискурса – в непрерывности повествования, в органической

связи слов и в плавном развертывании стоящих за ними смыслов, то парадокс разрушает привычную связь слов, разрывает плавность перехода одной фразы в другую, вызывает сшибку смыслов, и это расхождение с ожидаемым порождает удивление. Ведь сам термин *афоризм* в переводе с греческого означает: «выводить за пределы горизонта», в данном случае – за пределы горизонта привычного потока мысли, чему и служит ирония, парадокс, воображаемый эксперимент или «симулякр», в терминологии Бодриера. Смысл последнего заключается в вопросе: *что случится, если?*... Если, скажем, некоторые постулаты, составляющие фундамент мышления, переживания и бытия человека неожиданно бы исчезли или преобразились. Этот мысленный эксцесс, это выворачивание очевидностей можно охарактеризовать как очищение истин повседневного смысла от ржавчины, разъедающей удивление, которое, как известно со времен Аристотеля, образует исток философской мысли.

Польский писатель Веслав Брудзинский как-то заметил, что «афорист – это добытчик аттической соли для чужих кушаний». И действительно, настоящий афоризм возбуждает невольное желание высечь его в виде эпитафии на могильной плите,

поставить эпитафией к книге или превратить в пикантный тост веселого застолья. Как синоним остроумия, афоризм может сообщить блеск дружеской беседе или придать дополнительную убедительность доводам в ученом разговоре. Разумеется, далеко не каждая хлесткая фраза – залог оригинальности мысли, но каждый новый афоризм – это попытка высказать эту мысль так, как никто, возможно, до этого её не высказывал. С другой стороны, каждый афоризм, достойный этого имени, – это высказывание, в принципе доступное каждому человеку, способному, исходя из здравого смысла, временно выйти за пределы его правил, чтобы пережить *приключение мысли*: дополнить, переиначить или опровергнуть заключенные в нем парадоксы, почувствовать себя, пусть на короткое время, участником игры, подчиняющей дискурс воображению, короче, поразмышлять самому и, возможно, придти к чему-то более оригинальному, тонкому и глубокому.

1. Jean Baudrillard. El paroxista indiferente. Conversaciyn con Philippe Petit. Barcelona, 1998, p. 60.

2. Michel Foucault.. El orden del discurso. Barcelona, 1970, p. 11.

3. Михаил Эпштейн. К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопросы философии, 1999, № 6. С. 69.

К.В. Киселев

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ «АФЕРЫ-14», ИЛИ ИСТОРИЯ НЕБОЛЬШОГО ПОХОДА ПО КАМЕ

Киселев
Константин
Викторович

кандидат философских
наук, доцент, вице-пре-
зидент МАДИ

Часть 1. Команда

Нас четыре человека. Нас могло бы быть и больше, но этих больше просто не нашлось. И

этих, которых не нашлось, можно понять. Ну, кто в здравом уме и твердой памяти пойдет на яхте под названием «Афера14», собранной во дворе абсолютно сухопутного города с абсолютно неполиткорректным названием БерезОвский? А если учесть то, что первоначально яхта задумывалась как бетонная (!!!), то все встанет на свои места. Больных, кроме этих четверых, не было. И так.

Кирилл (или просто *Киря*) – капитан. Единственный человек, который что-то знает о парусах и яхтах и реально может отличить грот от стакселя, а гик от кокпита.

Костя – автор этих строк, на яхте старший помощник по должности. Ничего не понимает, во всяком случае, не понимал до плавания, ни в парусах, ни в моторах. Впрочем и после плавания